

Политическая мораль и политическая этика в России

(к постановке проблемы)

К.Н. КОСТЮК

Примечательно, что при стремительном возникновении и подъеме политической науки в постсоветской России, в учебных программах ее университетов до сих пор отсутствует (или практически отсутствует) такой неотъемлемый в представлении западной науки раздел политологии, как политическая этика. Политическая этика, являясь одним из важных измерений политической жизни и, следовательно, универсальным объектом интереса политологии, приобретает в демократическом обществе особое значение, служа важным компонентом стабильности политической системы. Отсутствие интереса к ней со стороны науки проявляет глубокие лакуны в этой области самого общества и его политического сознания. Если сформулировать основной тезис настоящей статьи, то он будет звучать так: в России складывается институциональная демократия, но при этом отсутствует внимание к институциональной этике. В этом лежит одна из причин неудач российских реформ и постоянно развивающегося кризиса. Как показывает опыт модернизации стран третьего мира, институциональные реформы часто обречены на провал, если они не обеспечены соответствующим этическим прогрессом. Модель президентской демократии в США была замечательным политическим инструментом, позволившим за несколько столетий создать мощную мировую державу, но та же модель, воспринятая в странах Латинской Америки, привела к эпохе военных диктатур и затяжному кризису развивающихся стран.

Что же такое политическая этика? Под этим понятием скрывается, прежде всего, нормативный подход к политике. В этическую проблематику политики входят вопросы обоснования системы базовых ценностей общества, формирования социального порядка, отвечающего этим ценностным представлениям, вопросы институциональных взаимоотношений, отношений социальных групп и движений, отношений общества и личности, основные понятия гражданской этики и т.д. Любая отрасль политологии имеет более или менее глубокое этическое измерение. Возникнув на основании христианской этики, опирающейся на естественное право и дающей трансцендентное обоснование социальным принципам, политическая этика может также идти по пути трансцендентального или имманентного обоснования социальных норм, примером чего может служить современная дискурсивная этика. На этом пути, однако, политическая этика неоднократно испытывала глубокие искажения, вырождаясь в политическую идеологию, например, в случае с марксизмом или националсоциализмом, ибо сама идея обоснования социального социальным содержит в себе тавтологию и труднопреодо-

лимые методологические проблемы. Философско-нормативный подход может сочетаться с эмпирически-научным, подразумевающим под собой, в первую очередь, социолого-культурологические исследования реального состояния политической морали, национальных особенностей политического поведения, социально-этических взаимоотношений и т.д. Развитие политической этики было не просто закономерным итогом развития науки, но и результатом рационализации общественного сознания, ускоренного современными модернизационными процессами, процессами социальной дифференциации и социальной динамики.

Если историю политической этики можно мерить столетиями, а о научной дисциплине можно говорить только применительно к XX столетию, то политическая мораль – один из важнейших предметов изучения политической этики – существует столько, сколько сама политика. Являясь важным элементом политической культуры общества, политическая мораль (или политическая нравственность) создает механизм общественного доверия, обеспечивающий стабильное функционирование социальной системы. Она является препятствием возникновения противоречий, способных разрушать систему изнутри, если конечно, социальная этика и социальная система изначально соответствуют друг другу. В отношении к современному обществу говорят об "этосе демократии", родившемся из постоянных нравственных усилий демократических обществ согласовать общественный порядок со своими этическими представлениями. Демократизация Запада, что подчас забывается, была не только результатом экономического и технологического развития, но и сложным этическим процессом, прошедшим через глубокий кризис традиционного ценностного сознания. Общества, не справившиеся с этической задачей понимания новой культурно-технологической ситуации и преодоления отживших норм, оказались в XX столетии в глубокой яме тоталитаризма. Те, кто следуя европейским странам, вступал на путь вторичной модернизации и рассчитывал без соответствующих нравственных усилий и поисков, без построения нового этоса и включения механизмов внутренней рационализации обрести блага цивилизации, должны были столкнуться с неразрешимыми проблемами.

Обсуждая причины российского кризиса и вообще причины неудачной политической судьбы России в XX в., эксперты-политологи не часто вспоминают о нравственном измерении проблемы. Социальные, экономические, психологические и т.п. причины кажутся современному технизированному научному сознанию более существенными, нежели этические. Усилия русской религиозной философии в начале века осмыслить падение России прежде всего как нравственное событие не нашли достойного продолжения в философской мысли в конце века. Между тем, и настоящий кризис есть, прежде всего, нравственный кризис России, результат недостаточного развития начал социально-этического сознания.

Этот недостаток появился не вдруг. Чтобы проследить его корни, нужно окинуть взглядом историю проблемы. Хотя наши предки издавна были способны собирать все мужество для борьбы против внешнего завоевателя, отличались внутрисословной и внутриклассовой солидарностью, но уже с XVI в. стало заметно, что образование единой централизованной государственной власти проходит в России более жестко, чем обычно. Российскому высшему классу не удалось отстоять достаточной автономии. Более жесткой оказались эксплуатация и закрепощение крестьян, которое и продолжают дольше, чем в Европе. В свою очередь сопротивление народа, постоянно выливающееся в жестокий и кровавый бунт, демонстрирует отсутствие способности решать социальные конфликты в этическом ключе. Лишая народ голоса, автономии, инициативы, российская власть планомерно проводила политику ослабления этического сознания, что укрепляло собственную власть, но препятствовало интеллектуальному развитию народа. Даже такой консервативный мыслитель как Л. Тихомиров, отмечает низкое развитие сознательности у россиян¹. Самодержавие, оставив позади европейский абсолютизм, претендует не только на сакральное зна-

¹ См. Тихомиров Л. Монархическая государственность. СПб., 1991.

чение и исключительное право социально-политической инициативы, но и принимает на себя сакральную и политическую ответственность всей социальной жизни в стране. Этика самодержавия, ограниченного только нравственным законом, была ничем иным, как попыткой сосредоточения политической этики "в одних руках" и соответственно, освобождение от нее народа. Кто не несет ответственности, тот, как известно, оказывается вне этического отношения. Российское население было лишено даже такого привычного для Европы элемента власти, как местное самоуправление. Неудивительно, что когда к власти пришел сам народ, он оказался жестче, непримиримее, тираничнее своих хозяев. Новая политическая элита "от народа" во многом была просто лишена нравственно-социальных понятий². Свои политические проблемы она решала уничтожением противников. С уничтожением подлинной политической элиты, сконцентрировавшей прежде в своих руках всю политическую этику, страна стала обречена на эпоху политической жестокости. На потрясения были обречены и многие институты, связанные с традиционным этическим порядком³.

О развитии политической этики в советское время не приходится говорить, партийная номенклатура лишь жестче проводит политику индифферентизации политико-нравственного сознания населения. Тем не менее, новые факторы современности, такие как масс-медиа, рост сферы досуга, советский "средний класс", возникновение государственно-общественных организаций, а также Великая Отечественная война, имевшая огромное нравственное значение для народа, значительно изменило общественное сознание. Власть КПСС пала не в результате ее насильственного свержения или экономического кризиса, а в результате собственной попытки "самоусовершенствования". Номенклатура, в целом, и теперь оставалась основным носителем (правда, во многом извращенного) этико-политического сознания. С этой точки зрения "бескровные" революции, в значительной степени сохранившие во многих постсоциалистических странах присутствие партийной элиты во власти, обеспечили определенную преемственность в области политической этики; что едва ли удалось бы сделать "демократам" в новой диктатуре либерализма.

Новые потрясения, даже если они подразумевали выздоровление социальной системы, не могли послужить укреплению политической этики. Напротив, именно в таких ситуациях сказывается прочность и надежность политико-этических связей и норм. Республики Советского Союза в достаточной степени были индустриализованы и бюрократизированы, чтобы обеспечить плавный переход к конкретному рыночному порядку, с энергичной перестройкой экономической и социальной структуры, как это в целом случилось в большинстве стран Восточной Европы. Этого однако не произошло. Государственная власть была обессилена коррумпированностью бюрократии, экономическую сферу стал контролировать рэкет, обеспеченный властью "черного нал" и теневых капиталов, вместо гражданского общества возникло общество, каждый из членов которого озабочен лишь собственным выживанием любым путем. Игнорируя потребность в скорейшем становлении нового правового порядка, власть предпочла возвращать былое влияние традиционными методами восстановления авторитаризма. Расцвет мафии, сращивание теневых и государственных структур, олигархизм, коррупция, номенклатурная приватизация, "новые русские", финансовые пирамиды, утечка капиталов, заказные убийства, падение нравов, рост гражданской конфликтности, преступности, наркомании, — легко видеть, что все эти символы неудач российских реформ носят этический характер. Российская политическая культура показала свою стойкую неспособность к самостоятельной гармонизации социального порядка, к упорядоченным институциональным отношениям в условиях ослабления традиционных

² "Классовая" мораль в большевистском смысле была лишь завуалированной попыткой лишить политику этического измерения; релятивизация ценностей разрушает их этическую природу.

³ Так, в области семейной политики аборт и разводы ставшие фактом на Западе лишь в 60-х – 70-х годах как достижение сексуальной революции, были разрешены в Советском Союзе еще в 30-х годах, в то время как феминизации общественного сознания (т.е. освобождения женщины, семьи, общества от "патриархата" представлений) не произошло до сих пор.

иерархических властно-правовых связей. Вместо внутренней мобилизации российское общество просто разваливалось или близко к этому.

* * *

Ситуацию и перспективы трудно понять, не прояснив причин специфики российской политической морали.

I. Первую причину следует искать в особенностях политической географии России. Не принимая в целом тезис о некой особой евразийской идентичности, в России следует видеть поле глобальных культурных столкновений. Принадлежала первоначально анклав европейской христианской культуры с быстро складывающимся своеобразием восточного христианства, Россия благодаря татаро-монгольскому игу и своему последующему расширению на восток оказывается под мощным влиянием восточной культуры. В силу этого положения Россию следует рассматривать одновременно, с одной стороны, как объект европеизации со стороны норманнских и германских народов и агента европеизации в отношении народов, расположенных восточнее первоначальных поселений славян (начиная с мери, чуди и т.д.). С другой стороны, Россия же является объектом ориентализации со стороны массива ее восточных народов и агентом ориентализации в отношении европейского запада. Успехи с той и другой стороны обусловили культурный неуспех самой России. Ей удалось в значительной степени европеизировать собственные восточные народы, но при этом пришлось потерять аутентичную европейскую идентичность. Российская культура не произвела и не могла произвести такого комплекса ценностей, который она бы могла предложить народам от своего имени, если не считать таким эллинистического по происхождению, но восточно отделанного, православного христианства. Все, созданное на российской земле, есть результат того или иного влияния. Возможно, этот культурный вакуум послужил причиной острого кризиса культурной идентичности России в эпоху расцвета национальных культур в XIX в., начавшегося со споров о национальной самобытности и мессианской русской идее в философии и завершившимся порождением социалистической системы. Социализм, никак не будучи восточным, не был принят и Западом, т.е. претендовал быть наглядным воплощением евразийского мессианизма⁴.

Самонедостаточность российской евразийской культуры и ее месторасположение в эпицентре "столкновения цивилизаций" имели свои последствия для политической морали. Провести границу между российскими "западом" и "востоком" чрезвычайно трудно, но в целом она обозначается как раскол между светской – религиозной культурой и между официальной – бытовой сферой. Если цели и ценности общественности близки с западными, то образ жизни ближе восточному. В области политической жизни Россия всегда стремилась участвовать в европейской политической игре, но при этом часто пользовалась методами восточного происхождения. Контуры политики "по-восточному" очень трудно уловить, но с ней справедливо связывается неподконтрольная, только религиозно-нравственно ограниченная харизматическая власть, приоритет государственных целей перед правами личности, предпочтение прагматических соображений перед системными гарантиями, преобладание традиционализма над динамизмом, жесткость и слабая связанность правовыми обязательствами. Восточная политика ориентирована на мощь, а не на правду. России приходилось больше, чем государствам Запада, иметь дело именно с такой политикой, и понятно, что в ее политике можно найти немало следов "азиатчины", начиная с авторитаризма и заканчивая такими ее элементами, как геронтократия, патриархизм, тайная дипломатия и тайная полиция, склонность к силовым методам и т.д.

⁴ Тот факт, что при этом социализм был чистейшим изобретением западной мысли, но прижился только на востоке, говорит о изобретении судьбы российской культуры – подавать западные идеи в восточном исполнении.

⁵ Хотя главной культурной революции Запада – либеральной революции прав человека и поставление их во главу угла любой политики – России до сих пор не пришлось пережить.

II. Среди основных характеристик "восточной" политической традиции России, имеющей важное значение для политической этики, следует выделить оппозицию "власти и народа". В то время как на Западе основное значение приобретают классовые и групповые противоречия, на Востоке эти противоречия нивелируются по отношению к исключительной позиции власти, или политического класса. Достижимая благодаря монополизации власти в едином властном центре и созданию системы социальных и экономических зависимостей, путем замкнутости политической элиты и полного отчуждения всего остального населения от политики, эта стратегия позволяет, по видимости, приобрести прочность положения и широкую независимость политической деятельности при активной лояльности и легитимации власти "снизу". Происходит это однако ценой глубокого политического индифферентизма населения. Чем большую власть концентрирует политический класс, тем более далеким и чуждым он оказывается для народа: "До Бога высоко, до царя далеко", – говорится в русской пословице. Власть оказывается некоей абстракцией, на самом деле она находится в условиях постоянного гражданского саботажа и неосознанного страха и отвращения населения, лишь прикрытых внешней пленкой равнодушия. Этим объясняется легкость и жестокость, с которой эта ненависть взрывается и разрушает государство в периоды гражданского беспокойства. Власть располагает лишь бюрократией и аппаратом принуждения (в свою очередь в своем "гражданском" качестве всегда готовых к саботажу или коррупции) при активном неучастии населения, что делает управление и модернизацию "сверху" обыкновенно малоэффективными, лишенными "внутреннего" двигателя. Всю ответственность за судьбу нации народ возлагает на "власть". Это делает народ политически малограмотным и беспринципным, практически лишенным политической нравственности. Именно такой характер политической культуры продуцирует российская традиция, начиная с Московского государства, свою кульминацию обретая в эпоху диктатуры Сталина и партийной номенклатуры. Сегодня эта система существенно разрушена путем введения институтов правового государства. Судя по тому, однако, что механизм разделения властей и приоритет представительной власти заблокирован Конституцией в институте Президента, а власть вместо партийного демонстрирует клановый характер, что как раз очень характерно для восточной политики, то можно видеть, как недалеко нынешняя система удалась от традиционной.

III. Кроме структурных предпосылок размягчения политической морали существуют исторические, свойственные только российской истории. Межкультурное положение и восточный характер отправления власти обусловили то, что модернизация России, начавшаяся очень рано по сравнению с другими странами отстающей модернизации, всегда проводилась властью и присущими этой власти методами. Христианизация Руси св. кн. Владимиром, централизация власти Иваном Грозным, "европеизация" России Петром I, "освободительные" реформы Александра II, наконец, индустриализация страны Сталиным, как и современная "демократизация" означают веки, за которыми начинаются эпохи, не имеющие с прежними ничего общего. Хотя, в конце концов, российская рутинная берет свое, мобилизационный характер российской модернизации приводит к глубокой атрофии чувства исторической памяти, преемственности, уважения к традиции – т.е. важнейших политико-моральных категорий. То, что дорого нации, подвергается периодическому насилию. Разрушается незыблемость самого устоя морали – ценностей, как того, что должно оставаться всегда неприкосновенным. Политическое сознание становится насыщено деструктивным содержанием, радикализмом, цинизмом. Но это на поверхности. Внутренние же, глубинные слои сознания, где все остается, как прежде, просто лишаются политического измерения. Неудивительно, что новые, действительные ценности, требуемые временем, не усваиваются большинством населения.

IV. В числе жертв непрерывной российской модернизации оказалось и то, что

⁶ Пример, может быть не самый яркий: как часто на Руси, в стране "колокольных звонов", разбивают колокола, чтобы потом отливать их вновь. Сегодня полноценная церковная звонница – большая редкость.

составляет основу русской культуры – православие. Сегодня нам приходится жить в одном из самых секуляризованных государств Европы. Не сумев сохранить верность родной церкви, ее народ, однако, с удивительной глубиной остался верен бытовому модусу православия, тому, что можно было бы назвать "культурным православием". Известно, что католическая церковь сыграла решающую роль в становлении социальной этики как дисциплины. Она являлась инстанцией, опирающейся преимущественно на этическое сознание, к тому же представляла собой древнейший и влиятельнейший после государства институт. Меньше предпосылок для выработки социально-этической концепции было у национальных протестантских церквей, однако традиционно обостренное этически-общинное сознание и высокое развитие богословия привели также к внушительным достижениям в этой области. Православные церкви в силу своей истории, подчиненного политического положения, слабой рационализированности богословского сознания и общего консерватизма мышления не создали чего-то подобного политической этике. Однако они в значительной степени определили тип политического поведения своих народов. Бросается в глаза не только то, что границы социалистического лагеря в значительной степени совпадали с границами православного мира, но и то, что после падения социализма все православные государства Восточной Европы составили группу наименее успевающих в реформировании.

В силу своей литургической и мистической сосредоточенности, сакрального традиционализма, что никак нельзя поставить в упрек религии, православие скорее не оказывало, чем оказывало какое-то определенное этическое воздействие на народ. Что оставалось в народе от религии, так это общий характер – отсутствие динамики, бытовая консервативность, самодостаточность и самоудовлетворенность. Близость церкви с государством обусловила непротестный характер православного сознания, ее национальная форма – внушительный изоляционистски-националистический элемент. Созерцательность православия легла в основании социальной пассивности церкви, а также того, что в ней не был развит рациональный элемент богословия, с которого началась рационализация Запада. В отличие от западной церкви, православие не наследовало правовой составляющей римской культуры – решающего элемента становления политической этики. Оставаясь общим по догматике с западным христианством, православие транслировало типично восточную религиозную ментальность.

Большее значение для социальной морали однако играло не позитивное воздействие религии на социальную жизнь, а отсутствие такового. Социально-этическая жизнь была мало окультурена религией.⁷ Поэтому, когда начались процессы технологической, экономической и социальной трансформации, православие не сыграло роль стабилизатора политической морали. В работах М. Вебера исследуется, сколь значительную роль в этих процессах играло протестантское сознание, возникшее во многом из этического, а не догматического религиозного протеста⁸. Мирская аскеза, переворачиваясь в этику профессионального признания и порождая этос рационального предпринимательства, сыграла роль катализатора экономической динамики. Из положений М. Вебера следует, что иная религиозно-этическая традиция на тенденции экономической динамики может реагировать иначе: порождая купечески-спекулятивный, насильно-присваивающий и др. этосы. То, что в современной России доминируют именно последние непродуктивные виды этической реакции на пришествие капитализма и то, что вообще капитализм в православных странах "не приживается", во многом объясняется неактивистским этосом православия.

V. Названные причины отражают преимущественно объективные факторы размягчения политической морали в России. Не меньшее значение имеют, конечно, и субъективные, внутренние факторы социальной нравственности, касающиеся индивидуальной этики. Социально-политическая мораль представляет собой во многом иной

⁷ В силу слабости своего этического влияния церковь даже в эпоху секуляризации могла не отказываться от "сакральной" этики (по своей строгости не многим уступающей монашеской этике), которой всегда следовала небольшая часть глубоко верующих.

⁸ Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранное М., 1989.

культурный феномен, чем индивидуальная: она относится к иной сфере событий, имеет иные критерии, иные нормы. Но нельзя игнорировать их внутреннюю связь и взаимообусловленность. Если безнравственны члены общества, таким будет и само общество. Российский нравственный климат не могут украшать ставшие в глазах недоброжелателей национальными такие черты, как бытовые сквернословие, воровство, хулиганство, пьянство, иждивенчество, нечистоплотность, непунктуальность и т.д.⁹ Системный признак многих дефектов можно видеть в том, что они появляются там, где моральные отношения касаются уважения личности alter Ego: неприкосновенности морального и физического достоинства ближнего, его имущества, его прав. Этика индивидуализма в трактовке эгоизма нашла в российской традиции только осуждение. Преобладание в нравственной матрице народа начал коллективистской этики солидарности, общей всем восточным культурам, может объясняться устойчивостью элементов традиционного общества¹⁰. Причина также может крыться в слабой сформированности рационализованного индивидуального морального сознания, что также коренится в приоритетах родовых связей традиционной культуры. Такие культуры отличает перенесение центра тяжести с индивидуальной ответственности на коллективную и ослабленная способность к моральной самоидентификации, что приводит к неразвитости категории индивидуальной совести.¹¹

Невозможность выделить какие-либо существенные системные отличия, объясняющие столь значительное отличие российской морали от европейской, приводит вновь к мысли, что причина лежит не в каких-либо особенностях социального устройства (такой, правда, может служить гипертрофированная роль авторитета государства, принимающая отчасти на себя роль авторитета семьи или рода), а в его аморфности. Российскую индивидуальную мораль можно понимать как некий ослабленный вариант западной или восточной нравственности: в рамках своей системы ценностей все окружающие Россию культуры в нравственном отношении более крепки и устойчивы. Подтверждение этой мысли можно видеть в перекошенности, раздвоенности индивидуальной этики, которая чутко прочувствована и выписана в русском человеке Ф. Достоевским. "Человек из подполья", разумеется, – гипербола, которая вряд ли может быть взята за основу для анализа национальной психологии, но она четко улавливает культурную разорванность психики индивида в условиях острых социальных противоречий. Недаром русская литература богата контрастными образами, а русская философия – антиномиями.

* * *

В этой связи актуальной исследовательской задачей было бы определить некоторые диспропорции и противоречия, разрывающие целостность и плотность органичной ткани, какой является общественная мораль. Эти противоречия, острота которых и образует специфику российского нравственного ландшафта, возникли вследствие названных и иных объективных и субъективных причин, и составляют фон, на котором протекают российские реформы.

⁹ Красноречива характеристика, данная в начале века Е. Голубинским: "Простой народ наш во внешнем поведении омерзительно сквернословен, затем безобразно пьян, не сознает обязанности быть трудолюбивым, совсем не знает, что такое христианская совесть (припомните наших ремесленников и их возмутительную склонность к обманам), в своей семье и со своими несчастными рабочими – животными – безобразный варвар. Наши купцы, столь усердные к внешней молитве... до такой степени мало соблюдают честности в торговле, что можно подумывать, будто они теплят лампадки затем, чтобы Бог помогал им обманывать людей. Наши чиновники, от верха и до низу, давно ли перестали, и перестали ли совсем, – представлять собой олицетворение тех пороков, которые свойственны их званию?" (О реформе в быте Русской Церкви. М., 1913, с. 15), – трудно не узнать в этом описании современности.

¹⁰ Против этого говорит тот факт, что в условиях иных культур русские не демонстрируют особой этнической и религиозной солидарности, что так свойственно восточным народам и, подобно европейцам, в течение нескольких поколений растворяются в иных культурах.

¹¹ Тут можно возразить, что значение и крепость семейно-родственных связей у русских не отличается значительно от европейцев.

1. Первой из диспропорций следует назвать нравственно-психологическое противоречие между *"внутренним и внешним"*. Это отношение характеризует целостность, органичность структуры: где внешнее вытекает из внутреннего, они образуют органическую связь, где их единство носит характер *видимости*, речь идет о механической связи. Разрыв между внутренней и внешней жизнью личности всегда знаменует раскол, внутренний кризис, в худшем случае – двуличие и лживость души. То же самое происходит, если целому народу не удастся построить внешнюю жизнь по своим внутренним принципам и согласовать внутренние движения души с внешним социальным порядком. Следы такого несогласия можно повсюду видеть и в российской истории и, особенно, в настоящем¹². Неудовлетворенность внешним порядком, вечной неустроенностью быта и затаенное упование на далеко не соответствующие им внутренние сокровища русской души составили основную интригу российской философской мысли, разворачивающуюся в полемике между западниками и славянофилами. Не хочется верить, что эти два начала действительно едины, когда перед глазами стоит жестокий для России XX век. Но и сегодня основные движения исторических событий к лучшему демократическому будущему не создают ответного душевного волнения; народ живет совсем другими событиями и ожиданиями. Что бы не совершалось на поверхности истории (исключая ее драматические моменты), оно происходит как-то вне народной души. Отсюда – множество ситуаций, когда последовательности внешних событий или организация внешних институтов создают некие замкнутые пространства – *"видимости"*, очень слабо связанные со своими внутренними структурообразующими элементами. Из этого источника возникают и иные противоречия.

2. Прежде всего, противоречие *"тайного и явного"*. По сути, оно образует основной нерв этической проблематики, как в индивидуальной, так и в социальной морали. В первом случае явное принадлежит сфере общественного контроля, тайное – ведению собственной совести. В отношении политической морали явное соответствует официальному, подлежащему правовому контролю, неявное – неофициальному, выпадающему из сферы правоотношений. Задачей нравственного сознания является обеспечить однородность поведения в этих различных сферах: нормированного поведения в условиях отсутствия общественного контроля в первом случае, правового поведения при отсутствии правового контроля во втором случае. Если большая часть социальных отношений выпадает из сферы общественного и правового контроля, это свидетельствует о неадекватности социальной системы общественной практике. В умеренных размерах эта неадекватность может компенсироваться политической моралью, в *"запущенных"* случаях ведет к разложению политической морали и разрушению социальной системы. Неадекватность, гипертрофированное развитие тайного в ущерб явному составляет характеристику российского политического ландшафта. В дореволюционной России это происходило вследствие торможения политической модернизации (тайные общества, политический терроризм), в советское время это было характеристикой системы политического руководства, противного принципам правового государства (система официальных *"советских"* государственных органов против реального партийного руководства, телефонное право, цензура, официальная конституция против действительного преследования инакомыслящих и т.д.) В пореформенное время расстояние между тайным и явным продолжает увеличиваться, углубляясь в область гражданского общества и расширяясь за счет *"широких слоев"* населения: уклонение от налогообложения, от лицензирования профессиональной деятельности, всеместная практика обхода законов, двойная бухгалтерия, сотрудничество правоохранительных органов с теневыми структурами и т.д. В итоге в российской социальной жизни складывается то, что эксперты называют *"виртуальной экономикой"*: в статистических отчетах, на поверхности – одно, в реальной жизни – совсем

¹² "Потемкинские деревни", очковитительство, приписки – чисто российская болезнь.

¹³ Противоречие обостряется тем, что все новые социальные функции – частное предпринимательство, уплата налогов юридическими лицами – явления или новые или находившиеся прежде в теневой сфере.

другое. Чтобы ввести противоречие явных установлений и тайной практики в приемлемые рамки, недостаточно полагаться на укрепление государства, следует помнить об этическом характере этой оппозиции. Пока такая практика перекосов признается населением как нравственно допустимая, она не имеет шансов на преодоление.

3. Оппозиция "тайное – явное" в большой мере связана с оппозицией *"морали и права"*. Сфера морали, как правило, рассматривается как сфера регулирования традиций, обычаев, внутренним нравственным законом (совестью), и нередко противопоставляется праву как внешнему силовому регулированию, опосредованному государственной властью и общественным контролем. В такой трактовке право, защищающее минимальные и общезначимые социальные нормы, обладает меньшей "нравственной" ценностью, чем моральные отношения. Если на Западе право начинает охватывать семейные отношения (брачные контракты), то на Востоке даже деловые отношения часто ограничиваются моральными обязательствами. Следствием этого становится не только то, что решение деловых партнеров, скрепленное словом, является надежнее, чем подкрепленное бумагой, но и то, что стоящее на бумаге не гарантировано к исполнению. Другими словами в то время, как этические обязательства, не обладающие средствами принудительного исполнения, в условиях усложнения социальных отношений становятся все более неэффективными, правовые обязательства, девальвированные в общественном сознании, не способны обрести необходимое значение. При таком подходе кажется возможным отказаться от правовых обязательств, если они очевидно влекут за собой ущерб¹⁴. Это положение вещей в России обостряется неразвитостью судебной системы и ее сильной зависимостью от государственной власти. В результате – презрение к правовому закону и высокая норма социальных конфликтов с возможностью их "самостоятельного" урегулирования вплоть до заказных убийств.

Парадоксальным образом, оборотной стороной предпочтения морали над правом становится предпочтение праву силы. Угроза физической силы – единственная санкция против невыполнения моральных обязательств, если общественные санкции становятся неэффективными. Имеющая непосредственно личностный характер, она кажется проще и эффективней даже в сравнении с правовыми санкциями. Силовые решения являются традиционными не только в межличностных, но и в политических отношениях. Жесткость и жестокость карательных и полицейских органов давно стала неотъемлемой чертой российской политической культуры. Нет нужды разяснять, как губительна такая практика для становления здоровых правовых отношений.

4. Следующая оппозиция, имеющая значение для политической этики, – *"харизматического лидерства и институционального руководства"*. Харизматическое лидерство стремится к обладанию ресурсами эмоционального воздействия (неформализованная власть) и к методам авторитарного управления. Личность здесь ценится выше того института, который обеспечивает ее власть. Институциональное руководство, напротив, легитимируется только самим институтом, и личность действует только в рамках институциональных (формализованных) норм. Харизматическая власть понимает себя "выше" права, стремится создать систему неформального властного контроля и легко перерастает в авторитарный режим. В современном демократическом устройстве склонность населения к поиску харизматической личности, т.е. готовность освободить ее от правового контроля, чревато впоследствии жестокими разочарованиями. Главное же – это является серьезным препятствием на пути становления политических институтов. Его действие зримо, например, в безуспешности становления партийной системы России. Глава государства – беспартийный, исполнительная власть формируется не по партийному принципу, а сами "партии" – только группировки сподвижников харизматического лидера.

Общий вывод – политике в России остается свойствен личностный, а не институциональный характер. Личностный характер власти означает ее неподконтроль-

¹⁴ Пример – известная реакция властей на легитимные выборы мэра с судимостью в Нижнем Новгороде.

ность общественным установлениям или неготовность к такому контролю. Особенно выражен он был при социализме, где власть являлась основным видом "приватизированного" капитала. Кроме того, что неинституциональный тип характеризует политику слабодифференцированных обществ с несложившимися инструментами властных опосредований, он накладывает особую печать на всю систему низшего управления: неформализованными остаются и государственная бюрократия, и экономический менеджмент, и, собственно, все социальные институты. Отсюда – необыкновенно высокий удельный вес "личных связей" и чиновничьего произвола, неспособность унавливать институциональные отношения поверх личностных.

Таковы основные черты общего ландшафта российской политической морали: разлад внешней и внутренней жизни нации, высокий удельный вес тайного по отношению к явному, предпочтение праву этики или силы, верховенство личности перед институтами, – каждая из которых в отдельности ведет к глубоким структурным диспропорциям, препятствует становлению этоса современного гражданского общества. Но вместе взятые, они порождают совершенно особое явление социальной жизни – "виртуальное общество". Виртуальное общество представляет собой совокупность социальных институтов, созданных разумом и волей к модернизации. Это совместный продукт усилий политического класса, бюрократии и интеллигенции в их стремлении создать более совершенное общество. Виртуальное общество более или менее современно, эффективно и целесообразно. Оно в целом соответствует критериям современных обществ, а в иных аспектах идет "вперед планеты всей" (космос, наука...). Но оно при всей своей действительности всего лишь виртуально: наряду с ним и вне его существует реальное общество, которое живет по другим законам и другими интересами. Расстояние между ними – как между теорией и практикой, точнее, как различие между релятивистской и классической механиками: при определенных условиях результаты совпадают, но в обычном случае одна является приближением другой. Реальное общество пытается соответствовать формам виртуального (теоретического), но будучи не в силах следовать его законам, создает свои "приближения" или просто паразитирует на нем. В результате возникает некая третья реальность, которую нельзя понять и объяснить, ни исходя "сверху", от социальных установлений, ни исходя снизу, от жизненной практики. Виртуальным обществом, начиная с эпохи модернизации, была просвещенная монархия ("православие, самодержавие, народность"), социализм, демократия. Виртуальная монархия со всеми институтами и поддерживающими ее классами была демонтирована в течении считанных месяцев. Социализм – новая идеально-виртуальная модель – прокламировал справедливость, "народную власть", "творчество масс", коллективную собственность и т.д., тем не менее практикой был террор, страх перед властью, равнодушие к идеологии, полное пренебрежение общественным имуществом во имя личного. "Приписки", "волокита", "несуны", "показуха" – не "родимые пятна" капитализма, а именно социалистические механизмы состыковки жизни виртуальной и реальной. Не оказывая сопротивления режиму, нация жила своей жизнью, имеющей мало общего с социализмом. То же повторилось с демократией. Она осталась творчеством единиц. Создав демократические структуры и институты, реальное общество перестроило их на свой лад: вместо партийного плюрализма – финансово-политический олигархизм, вместо рыночной конкуренции – мафиозно-государственный корпоративизм, вместо монетарного хозяйства – бартерно-валютная экономика, вместо правового государства – фискально-полицейский произвол и т.д. Чем более сложным и прогрессивным становится виртуальное общество, тем более велик его разрыв с реальным: поэтому парадоксальным образом управление страной при социализме оказывается эффективнее, чем при демократии. Нестабильность в нынешних условиях, которой так боятся иностранцы и с которой так упорно борется политический класс, связана не с созданием и гарантией государством "рамочных условий" экономики и социальной жизни, как полагают либералы, а с сосуществованием названных двух обществ. Правовые гарантии и рамочные условия, вполне соответствующие цивилизованным нормам, харак-

теризуют только виртуальное общество и мало затрагивают общество реальное. Кризисы в России возникают всякий раз, когда обрушивается виртуальное общество – колосс на глиняных ногах. Этой системе невозможно придать стабильность, ее можно только демонтировать.

Различие между социальной системой и жизненным миром присуще не одной России, но только здесь оно доходит до глубокого внутреннего раскола и составляет главную черту организма нации. Объяснять его можно разными причинами – мобилизационным характером модернизации, устойчивостью элементов традиционного жизненного уклада, отсутствием подлинного просвещения, искусственностью идеологических парадигм, культивируемой пропастью между властью и народом и т.д. Но названному несоответствию между официальной и реальной жизнью народа можно найти и другое, более простое название – социальная безнравственность. Не четко соблюдаются должностные обязанности, не вовремя выполняются договоры, не в срок выплачиваются долги, утаивается истинное положение вещей, нарушаются законы, условия и правила, пренебрегаются общественные интересы, ищутся обходные "левые" пути, возникают правовые и нравственные компромиссы, не платятся налоги и т.д., не говоря уже о готовности к элементарным нарушениям нравственного достоинства – таковы причины, создающие разрыв между системой и тем, как она функционирует в действительности. Устранить этот разрыв – значит восстановить нравственное здоровье общества, привести в соответствие действия общества тому, что оно само утверждает.

Причины слабости развития институциональной этики в России лежат не только в исторических перипетиях народа или национальном характере: нельзя не назвать по крайней мере еще одну – роль политической науки. Политология в России, являясь прямой наследницей "научного коммунизма", внесла немалый вклад в углубление социальной лжи. Распространенный скепсис в отношении объективности российской социологии говорит о продолжении движения социальной науки в прежнем направлении. Роль ее должна быть совершенно обратной. Если размягчение политической морали – дефект политической культуры, то отсутствие политической этики полностью лежит виной на политической науке. Политическая этика – не просто теория о политической морали, она – неотъемлемый элемент ее, точнее – показатель степени ее развития и рационализации. Не нужно забывать, что политическая теория является результатом не только научного, но и нравственного прогресса. Политическая теория, в особенности такой ее раздел, как политическая этика, формируется также как *механизм рационального контроля* политики со стороны независимого и самостоятельного гражданского общества. К политической этике способны не любое общество и не любое научное сообщество: вместе с высокой компетентностью она предполагает гражданское мужество.

Перед политической этикой в России стоит множество задач: определить и раскрыть содержание основных политико-этических ценностей, таких как социальная справедливость, свобода, ответственность, благо и т.д.; традиционных политических понятий, таких как власть, конфликт, насилие, реформа и т.д.; методов политической практики, таких как сопротивление, забастовка, компромисс и т.д.; принципов, из которых должно исходить социальное строительство, таких как солидарность, права личности и патриотизм; направлений дальнейшего развития общества, т.е. правового государства, демократии, социально ориентированной рыночной экономики и т.д. В понятиях политической этики должны быть описаны политические процессы, протекающие в России, характер сложившихся социально-этических отношений. Параллельно должны разрабатываться смежные дисциплины – социальная этика, этика хозяйства и предпринимательства, политическая философия, философия и социология права, социология культуры и культурология: развитие общества невозможно без развития науки, особенно в России, где интеллигенция всегда претендовала быть двигателем модернизации.